

**EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPEENNE DES DROITS DE L'HOMME**

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
www.echr.coe.int
В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО "НАВАЛЬНЫЙ И ЯШИН против РОССИИ"

(Жалоба N 76204/11)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

4 декабря 2014 года

Настоящее постановление вступило в силу 20 апреля 2015 года . Может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу "Навальный и Яшин против России",
Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:

Изабелла Берро-Лефевр, Председатель,

Элизабет Штайнер,

Пауло Пинто де Альбукерке,

Линос-Александр Сицильянос,

Эрик Мос,

Ксения Туркович,

Дмитрий Дедов, судьи,

и Сорен Нильсен, Секретарь Секции,

проведя 13 ноября 2014 года совещание по делу за закрытыми дверями,

вынес следующее постановление, утвержденное в вышеуказанный день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено на основании жалобы (N 76204/11), поданной в Суд 11 декабря 2011 года гражданами России Алексеем Анатольевичем Навальным и Ильей Валерьевичем Яшиным (далее - "заявители") против Российской Федерации в

соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - "Конвенция").

2. Интересы заявителей в Суде представляли О. Михайлова и В. Прохоров - адвокаты, практикующие в г. Москве. Интересы Властей Российской Федерации (далее - "Власти") представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявители утверждали, что их задержание в ходе публичного мероприятия и последующее содержание под стражей нарушило их право на свободу мирных собраний, свободу выражения мнений и права на свободу и личную неприкосновенность. Они утверждали, что административное производство во внутригосударственных судах не соответствовало гарантиям справедливого разбирательства. Они также жаловались на ненадлежащие условия содержания, которые они считали бесчеловечными и унижающими человеческое достоинство.

4. 8 февраля 2012 года жалоба была коммуницирована Властям.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявители, 1976 и 1983 года рождения, соответственно, проживают в г. Москве. Оба заявителя являются политическими активистами и лидерами оппозиции. Первый заявитель известен также активным участием в кампаниях по борьбе с коррупцией и является популярным блоггером. Второй заявитель возглавляет политическое движение "Солидарность".

A. Публичное мероприятие 5 декабря 2011 года и задержание заявителей

6. 4 декабря 2011 года в России прошли всеобщие выборы в Государственную Думу.

7. 5 декабря 2011 года заявители приняли участие в публичном мероприятии (митинге) на Чистых Прудах, г. Москвы, в протест против предположительно сфальсифицированных результатов выборов. Указанное публичное мероприятие было надлежащим образом согласовано мэром г. Москвы. Количество участников митинга составило от 5 000 до 10 000 человек. В ходе митинга, проводимого вторым заявителем, первый заявитель обратился к участникам мероприятия с речью, призывая к проведению новых, справедливых выборов и описывая "Единую Россию", победившую на выборах, как "партию аферистов и воров".

8. После демонстрации заявители были задержаны. Стороны разошлись во мнениях по вопросу о причинах их задержания, и их соответствующие замечания приведены ниже.

9. Заявители утверждали, что по окончании митинга они направились, вместе с другими людьми, к станции метро "Кузнецкий Мост", где первый заявитель оставил свою машину. Они шли по тротуару, не препятствуя движению автотранспорта.

Внезапно они были заблокированы сотрудниками внутренних войск и ОМОН. Без какого-либо предупреждения или предъявления требований полиция окружила группу протестующих, в количестве около сотни человек, включая заявителей, прижимая их к зданию. Окруженная группа людей выкрикивала: "Один за всех и все за одного!" Сотрудники внутренних войск и ОМОН начали задерживать протестующих. По словам заявителей, никто из задерживаемых не оказывал сопротивления. Они подчинились полиции и проследовали к полицейскому фургону.

10. По словам Властей, по окончании митинга второй заявитель призывал участников митинга пройти маршем вниз по улице Мясницкой до Лубянской площади, и затем - до здания Центральной избирательной комиссии. В 20:30 около шестидесяти человек, включая заявителей, начали шествие по Чистопрудному бульвару, улицам Большая Лубянка и Рождественка. Они шли вдоль дороги, нарушая дорожное движение и выкрикивая лозунги "Это наш город!" и "Конец полицейскому государству!". На перекрестке улиц Пушечная и Рождественка полиция заблокировала шествие и приказала участникам шествия остановиться. Они прорвали оцепление и продолжили шествие, пока не были вновь остановлены полицией у дома 2 по Театральному проезду. Они игнорировали повторные требования полиции остановиться и тем самым препятствовали исполнению полицией задачи по обеспечению общественного порядка. Столкнувшись с таким продолжающимся поведением, полиция задержала заявителей.

11. Оба заявителя были задержаны около 20:45 и были помещены в полицейский фургон.

В. Перевод заявителей в отделения полиции и их содержание под стражей до следующего дня

12. Примерно в 21:40 заявители были доставлены в отделение полиции "Северное Измайлово" г. Москвы. В 23:40 был проведен личный обыск первого заявителя, который длился до 00:15. Его личные вещи, включая мобильный телефон, лицензию адвоката, наручные часы, деньги, кредитные карты, водительское удостоверение и некоторые предметы одежды, были изъяты. Вторым заявителем также подвергся обыску, и у него были изъяты его мобильный телефон, поясной ремень, наручные часы, свисток и нагрудный жетон с надписью "Против партии жуликов и воров". Список изъятых предметов был указан в протоколе обыска. Заявители не смогли вернуть их, хотя эти предметы не были приложены к материалам дела.

13. Заявители ходатайствовали о том, чтобы их адвокатам, прибывшим в отделение полиции и заявившим о своих полномочиях, разрешили встретиться с ними, но их ходатайство было отклонено. Заявителям также не было разрешено позвонить своим семьям по телефону.

14. Оба заявителя подали в отделении полиции жалобы, утверждая, что их права были нарушены при задержании и содержании под стражей.

15. Около 00:45 6 декабря 2011 года заявители были переведены из отделения полиции "Северное Измайлово" в отделение полиции района Восточный г. Москвы, куда они прибыли около 01:45 того же дня. Они просили дать им возможность встретиться с адвокатом и позвонить по телефону, но в этом им вновь было отказано. Первый заявитель подал жалобу на этот отказ.

16. Той же ночью, в 02:30, заявители были переведены в отделение полиции района "Китай-Город", где были составлены протоколы с указанием того, что заявители были доставлены в отделение полиции в соответствии со статьей 27.2 Кодекса об административных правонарушениях. В 02:40 были составлены дополнительные протоколы, в которых было указано решение о заключении заявителей под стражу в соответствии со статьей 27.3 Кодекса об административных правонарушениях. Заявителям было предъявлено обвинение в совершении административного правонарушения, состоявшего в неповиновении законному распоряжению сотрудников полиции в нарушение статьи 19.3 Кодекса об административных правонарушениях. Обвинения были основаны на идентичных показаниях двух сотрудников полиции И. и Ф., которые утверждали, что приказали заявителям следовать за ними в полицейский фургон для дачи показаний об административном правонарушении, но заявители оттолкнули их и в связи с этим были задержаны.

17. В отделении полиции "Китай-Город" заявители просили разрешить им встретиться с адвокатами и сделать телефонные звонки их семьям, но их просьбы были отклонены.

18. Первый заявитель содержался под стражей в отделении полиции до 15:00 6 декабря 2011 года, второй заявитель - до 10:00 того же дня.

19. Заявители утверждали, что условия содержания под стражей в ходе их транспортировки между отделениями полиции и камерой в отделении полиции "Китай-Город" являлись бесчеловечными и унижающими человеческое достоинство. В частности, они утверждали, что провели шесть часов в дороге между различными отделениями полиции, при этом им не давали ни пищи, ни питьевой воды. В отделении полиции "Китай-Город" они были помещены вместе в камеру площадью около 6 квадратных метров. В камере были бетонные стены, бетонный пол, металлическая решетка, не было ни окон, ни мебели, и стояли только две узкие деревянные скамьи. Камера была плохо освещена и не имела вентиляции. В камере не было санитарного оборудования, кроватей или постельных принадлежностей. Заявители не получали еды и воды до 6 декабря 2011 года, когда их семьям разрешили передать им питьевую воду и печенье; другая пища для передачи не разрешалась.

20. Власти указали, что заявители провели около одного часа в пути в отделение полиции Восточного района, и затем около сорока пяти минут - в пути в отделение полиции "Китай-Город", и указанные периоды не являлись достаточно продолжительными для того, чтобы кормить заявителей. По словам Властей, заявители содержались в отделении полиции "Китай-Город" в камере для административно задержанных площадью 12,3 квадратных метра, которая была

оборудована искусственным освещением и принудительной вентиляцией. Они утверждали, что заявителям были предоставлены спальные места - деревянные скамьи - и постельные принадлежности, от которых они отказались. Власти предоставили фотографию камеры с металлической решеткой, фотографию скамьи с близкого расстояния с измерительной лентой, показывающей ее ширину, равную 47 см, и другую фотографию, на которой на той же скамье лежит одеяло и подушка. Власти также указали, что в камерах проводилась уборка и дезинфекция дважды в день и раз в три месяца проводилась дезинсекция в соответствии с соглашением о предоставлении услуг уборки, заключенным между Министерством внутренних дел и частной компанией. Власти предоставили в подтверждение копию указанного соглашения о предоставлении услуг. Власти утверждали, что заявители не жаловались на условия их содержания под стражей. По словам Властей, заявителям предлагалась пища в отделении полиции "Китай-Город", но они отказались от нее.

С. Административное производство

21. 6 декабря 2011 года заявители предстали перед мировым судьей для рассмотрения их дела об административном правонарушении. Они впервые встретились со своими адвокатами непосредственно перед заседанием. Дело второго заявителя было рассмотрено первым, и затем было рассмотрено дело первого заявителя.

1. Судебное рассмотрение дела об административном правонарушении Яшина

22. Указанное дело об административном правонарушении было рассмотрено действующим мировым судьей участка N 370 Тверского района г. Москвы, Б. В начале судебного заседания второй заявитель ходатайствовал об отводе судьи, так как она ранее уже признавала его виновным в совершении административного правонарушения и назначила ему пять суток административного ареста. После названного постановления о назначении административного наказания второй заявитель подавал множество жалоб на Б. и вел кампанию против нее в своих онлайн-блогах. Мировой судья отклонил ходатайство об ее отводе.

23. Второй заявитель ходатайствовал о вызове и допросе пятерых свидетелей, включая И. и Ф., сотрудников полиции, которые составили протоколы задержания; К., дежурного сотрудника отделения полиции "Китай-Город"; Б., знакомого активиста; и первого заявителя. Ходатайство было удовлетворено в отношении И., Ф. и Б.

24. Второй заявитель жаловался на незаконное лишение его свободы в течение первых шести часов после его задержания, ужасные условия содержания в отделении полиции "Китай-Город", а также действия и бездействие должностных лиц отделения полиции "Северное Измайлово". Тем не менее, эти жалобы не были рассмотрены.

25. Мировой судья допросил свидетелей. Сотрудники полиции И. и Ф. указали, что после публичного мероприятия второй заявитель, вместе с шестьюдесятью другими людьми, принял участие в несанкционированном марше, который проходил от Чистопрудного бульвара через улицы Большая Лубянка, Кузнецкий мост и вниз по Рождественке. Участники марша нарушали дорожное движение, выкрикивали лозунги и игнорировали распоряжения полиции о прекращении шествия, которые были даны посредством громкоговорителя. Сотрудники полиции (И. и Ф.) потребовали от второго заявителя проследовать за ними в полицейский фургон с целью составления протокола об административном правонарушении, но он проигнорировал их, и они схватили его за руки; он оказал сопротивление, отказавшись предоставить свои документы и обращаясь за помощью к толпе.

26. Вторым заявитель заявил о своей невиновности и оспорил показания сотрудников полиции. Он дал показания о том, что был задержан по указанному адресу, когда прогуливался вместе с другими людьми, возвращавшимися с согласованного митинга. Он настаивал на том, что был задержан без предупреждения или требований со стороны полиции.

27. Свидетель Б. дал показания о том, что "он присутствовал при задержании Яшина" и что "сотрудники полиции не давали Яшину никаких приказов до его задержания".

28. В тот же день мировой судья признала второго заявителя виновным в неповиновении законному распоряжению сотрудника полиции. Она основывала свои выводы на показаниях свидетелей И. и Ф., их письменных протоколах и протоколе административного задержания. Она отклонила показания, данные вторым заявителем и Б., на том основании, что они противоречили показаниям сотрудников полиции и протоколам. Вторым заявитель был признан виновным в соответствии со статьей 19.3 Кодекса об административных правонарушениях и ему было назначено административное наказание в виде административного ареста на пятнадцать суток.

2. Рассмотрение дела об административном правонарушении Навального

29. Дело первого заявителя было рассмотрено после рассмотрения дела второго заявителя, тем же мировым судьей Б. В промежутке между двумя судебными заседаниями адвокат первого заявителя смог вкратце оценить материалы дела второго заявителя и впервые встретиться с первым заявителем.

30. По словам заявителей, судебные разбирательства по делу первого заявителя начались в отсутствие представителей общественности, вход которым в зал суда был запрещен. Многим из них не давали пройти к зданию суда, которое было оцеплено полицией. Позднее, в ходе судебных разбирательств, восьмерым журналистам разрешили присутствовать на заседании после неоднократных ходатайств первого заявителя. Власти, напротив, утверждали, что судебные разбирательства по данному делу были открыты для общественности.

31. В начале судебного разбирательства первый заявитель ходатайствовал о передаче дела, в соответствии с законом, в суд по месту его жительства; о переносе заседания, чтобы дать ему время подготовиться к защите; об открытии стенограмм заседаний; о предоставлении ему копий жалоб, которые он подал предыдущей ночью в полиции; о вызове и допросе пятерых свидетелей его задержания, включая второго заявителя.

32. Мировой судья отклонила все ходатайства, за исключением одного: ходатайства о вызове Т. и А. в качестве свидетелей. Затем первый заявитель безуспешно ходатайствовал об отводе мирового судьи.

33. И. и Ф. дали показания, идентичные тем, которые были даны ими по делу второго заявителя. Мировой судья отклонила следующие вопросы, заданные И. и Ф. адвокатом стороны защиты: "Какие приказы вы лично давали Навальному?", "Кто приказал задержать Навального?" и "Почему протоколы двух полицейских идентичны?".

34. Первый заявитель заявил о своей невинности и оспорил показания сотрудников полиции. Он дал показания о том, что возвращался с митинга, время и место которого было согласовано, прогуливаясь вместе с другими людьми, не участвуя в шествии и не выкрикивая лозунги. Тем не менее, полиция неоднократно загромождала им дорогу и впоследствии задержала их. Он настаивал на том, что не получал от полиции никаких приказов и не оказывал сопротивления при задержании.

35. Свидетель Т. показал, что видел задержание заявителя. Было шумно и он не слышал, чтобы сотрудники полиции отдавали первому заявителю какие-либо приказы перед его задержанием. Во время окружения группы полиция объявила с помощью громкоговорителя: "Ваши действия незаконны" и затем начала задерживать их. Он не видел, как первый заявитель оказывал сопротивление при задержании. Свидетель А. сказал, что прогуливался по Театральному проезду и видел, как люди в форме задерживали первого заявителя на тротуаре; в ходе задержания сотрудники полиции объявляли с помощью громкоговорителя: "Ваши действия незаконны"; свидетель А. не видел, как первый заявитель оказывал сопротивление при задержании.

36. Первый заявитель ходатайствовал о приобщении в качестве доказательства двух видеозаписей его задержания, снятых Т. и А. Он также ходатайствовал о получении и рассмотрении судом видеоматериалов, имеющих у полиции. Эти ходатайства были отклонены на том основании, что суд не имел технических средств для воспроизведения видеозаписей, и что использование таких средств, предоставленных стороной защиты, было бы неприемлемым. Эти ходатайства не были приобщены к материалам дела, так как были представлены на несоответствующем этапе судебных разбирательств.

37. По словам первого заявителя, большая часть вопросов, заданных стороной защиты свидетелям, была отклонена мировым судьей. Судья также отказала в удовлетворении жалоб на отсутствие доступа к адвокату, отказ в предусмотренной законом возможности сделать телефонный звонок после задержания,

предположительно незаконное лишение свободы в течение первых шести часов после задержания, изъятие личных вещей при обыске, бесчеловечные и унижающие достоинство условия содержания под стражей в отделении полиции "Китай-Город".

38. В тот же день мировой судья признала первого заявителя виновным в неповиновении законному распоряжению сотрудника полиции. Как и в деле второго заявителя, она основала свои выводы на показаниях свидетелей И. и Ф., их письменных протоколах и протоколе административного задержания. Она отклонила показания заявителя, А. и Т., на том основании, что они противоречили показаниям и протоколам сотрудников полиции, и не имелось причин не доверять последним. Первый заявитель был признан виновным в соответствии со статьей 19.3 Кодекса об административных правонарушениях и ему было назначено наказание в виде административного ареста на пятнадцать суток.

3. Апелляционное производство

39. 6 декабря 2011 года оба заявителя подали апелляционные жалобы, утверждая, что их задержание и признание виновными в совершении административного правонарушения было произведено в нарушение внутригосударственного законодательства и положений Конвенции. Они оспорили выводы суда первой инстанции в отношении событий, имевших место после того, как они покинули санкционированный митинг. Дополнительно, они жаловались на способ проведения судебного заседания по первой инстанции, в частности, на отказ мирового судьи в удовлетворении их ходатайств, приобщении видеоматериалов в качестве доказательств и вызове свидетелей, запрошенных стороной защиты. Они также оспорили основания, на которых суд отклонил показания заявителей и свидетелей стороны защиты. Заявители также жаловались на незаконное содержание под стражей в течение первых шести часов после их задержания, отсутствие доступа к адвокату и условия их транспортировки между отделениями полиции и содержания под стражей в отделении полиции "Китай-Город".

40. 7 декабря 2011 года Тверской районный суд города Москвы рассмотрел апелляционные жалобы заявителей в ходе отдельных разбирательств. В обоих случаях суд отклонил жалобы на отказы в заслушивании свидетелей и приобщении доказательств, запрошенных заявителями. Он также отклонил ходатайства заявителей о вызове указанных свидетелей. Он отклонил ходатайство о принятии видеозаписей в качестве доказательства по причине их "неизвестного происхождения", и отказал в хранении стенограммы слушания, так как посчитал это излишним. Он удовлетворил ходатайство о приобщении фотографии задержания первого заявителя к материалам дела. В тот же день Тверской районный суд отклонил жалобы заявителей и оставил постановления суда первой инстанции по обоим делам без изменений, приводя те же основания.

41. По делу первого заявителя, суд, в частности, постановил:

"Мировой судья правильно установил, что Навальный не повиновался законному требованию сотрудника полиции..., в частности: в 20:45 5 декабря 2011 г. по адресу г. Москва, Театральный проезд, дом 2 (возле гостиницы "Метрополь"), после публичного мероприятия (митинга), время и место которого было согласовано в парке Чистопрудного бульвара, он вместе с группой из шестидесяти человек принял участие в шествии, о котором не были уведомлены органы исполнительной власти, вышел на дорогу и продолжал идти от Чистопрудного бульвара по прилегающим улицам в сторону Большой Лубянки, Кузнецкого Моста и Рождественки в направлении Красной Площади; этими действиями он создавал помеху дорожному движению и создавал риск аварии, выкрикивая "Позор!", "Это наш город!", "Россия без Путина!", "Нет полицейскому государству!". С целью пресечения шествия на перекрестке улиц Пушечной и Рождественка было выставлено [полицейское] оцепление. Неоднократные законные распоряжения остановиться и прекратить шествие отдавались через громкоговоритель; несмотря на это, Навальный с группой людей прошел через оцепление и вышел в Театральный проезд, продолжая выкрикивать лозунги, где их встретило полицейское оцепление. [Он] не реагировал на повторные законные приказы прекратить указанные действия и разойтись, продолжал незаконные действия, привлекая внимание горожан и прессы. В ходе задержания Навальный, в ответ на предложение пройти к полицейскому фургону для составления протокола об административном правонарушении, начал отталкивать [И.] и [Ф.], пытаясь посеять панику среди людей, и посредством таких действий [он] демонстрировал отказ повиноваться законному распоряжению сотрудников полиции и препятствовал полицейским в исполнении их обязанностей, что является правонарушением в соответствии со статьей 19.3 Кодекса об административных правонарушениях.

...

Несмотря на то, что он отрицает это, вина Навального доказана протоколом об обвинениях в совершении административных правонарушений..., показаниями сотрудников полиции [И.] и [Ф.][и] их показаний, которые были даны ими мировому судье на судебном заседании.

Мировой судья дала правильную и обоснованную оценку указанных доказательств, сделав вывод о том, что Навальный намеренно отказался повиноваться законному распоряжению сотрудников полиции прекратить действия, нарушающие общественный порядок, и продолжал их вопреки [приказу полиции].

Это доказательство, которое имеет отношение к делу, является приемлемым и достоверным. Пристрастность вышеупомянутых свидетелей или причины их клеветы в отношении Навального не были установлены [судом], включая апелляционную инстанцию; следовательно, объяснения Навального, а также показания свидетелей А. и Т. были надлежащим образом отклонены по причине отсутствия достоверного их подтверждения; постановление, вынесенное мировым судьей, является достаточно обоснованным в данном отношении.

...

... В соответствии с [протоколом конвоирования] и [протоколом задержания], [полиция] обладала достаточными основаниями для задержания Навального и конвоирования его в отделение полиции "Китай-Город" г. Москвы, в частности, по причине невозможности составить протокол об административном правонарушении на месте. Указанные протоколы соответствуют требованиям законодательства, по существу и по форме. В то же время суд отклоняет аргументы стороны защиты в отношении незаконного лишения свободы в течение шести часов как необоснованные. Из материалов дела следует, что после его задержания в Театральном проезде, в 02:30 6 декабря 2011 года, Навальный был доставлен в отделение полиции "Китай-Город" г. Москвы, где был составлен соответствующий протокол об административном правонарушении. 6 декабря 2011 года дело об административном правонарушении было передано мировому судье. Сотрудники полиции выполнили требования к административному задержанию, предусмотренные статьей 27.5 Кодекса об административных правонарушениях.

...

В ходе [апелляционного] производства... Яшин был допрошен в качестве свидетеля. Он показал, что в момент задержания Навального находился с ним на Театральной площади. На момент задержания [они] находились на тротуаре возле подземного перехода и не совершали никаких незаконных действий. Около 100 человек были заблокированы сотрудниками внутренних войск и ОМОН. Затем Навальный и Яшин были задержаны, практически одновременно. В этот момент сотрудники полиции не давали никаких распоряжений, и со стороны [заявителей] не было оказано сопротивления. Сотрудники полиции [И.] и [Ф.] не принимали участия в задержании заявителей; их показания в суде являлись ложными.

Учитывая оценку им свидетельских показаний Яшина, суд считает их недостоверными и отклоняет их, так как они противоречат показаниям [И.] и [Ф.], которые являются логичными, достоверными, согласованными и объективно подтвержденными посредством письменных доказательств...".

42. Соответствующее постановление, вынесенное по делу второго заявителя, в основном являлось таким же, включая аналогичные свидетельские показания другого заявителя.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

43. Федеральный закон от 18 августа 2004 года N 54-ФЗ "О собраниях, митингах демонстрациях, шествиях и пикетированиях" (далее - "Закон о собраниях"), на момент описываемых событий предусматривал, что публичное мероприятие может быть прекращено, если (i) имеет место реальная угроза жизни или здоровья граждан, а также имущества; (ii) совершение участниками такого мероприятия противоправных действий или умышленное нарушение организатором публичного мероприятия требований Закона, касающихся порядка проведения публичного мероприятия (статья 16). В таком случае уполномоченный

представитель органа исполнительной власти, может потребовать от организатора мероприятия прекратить его проведение. Указанный представитель должен объяснить причины такого распоряжения и предоставить время для его исполнения. Если организатор не исполнил требование, данное должностное лицо может потребовать того же от участников. В том случае, если организатор мероприятия и его участники отказывались выполнить требования, сотрудники милиции могли принять необходимые меры с целью прекращения мероприятия (статья 17).

44. Соответствующие положения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года гласят следующее:

Статья 19.3 Неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции...

"Неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудников полиции... в связи с исполнением ими обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а равно воспрепятствование исполнению ими служебных обязанностей влечет наложение административного штрафа в размере от пятисот до одной тысячи рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток".

Статья 20.2 Нарушения установленного порядка организации либо проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий или пикетирования

"1. Нарушение установленного порядка организации публичных собраний, митингов, демонстраций, шествий или пикетирования влечет наложение административного штрафа в размере от десяти до двадцати размеров минимального размера оплаты труда, подлежащего уплате организаторами.

2. Нарушения установленного порядка проведения публичных собраний, митингов, демонстраций, шествий или пикетирования влечет наложение административного штрафа от 1 000 до 2 000 рублей - на организаторов, и от 500 рублей до 1 000 рублей - на участников".

Статья 27.2 Доставка

"1. Доставка, то есть принудительное препровождение физического лица в целях составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, если составление протокола является обязательным, осуществляется:

(1) должностными лицами органов внутренних дел (полиции)...

...

2. Доставка должно быть осуществлено в возможно короткий срок.

3. О доставлении составляется протокол либо делается соответствующая запись в протоколе об административном правонарушении или в протоколе об

административном задержании. Копия протокола о доставлении вручается доставленному лицу по его просьбе".

Статья 27.3 Административное задержание

"1. Административное задержание, то есть кратковременное ограничение свободы физического лица, может быть применено в исключительных случаях, если это необходимо для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении, исполнения постановления по делу об административном правонарушении. ...

...

3. По просьбе задержанного лица о месте его нахождения в кратчайший срок уведомляются родственники, администрация по месту его работы (учебы), а также защитник.

...

5. Задержанному лицу разъясняются его права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом, о чем делается соответствующая запись в протоколе об административном задержании".

Статья 27.4 Протокол об административном задержании

"1. Об административном задержании составляется протокол...

2. ... Копия протокола об административном задержании вручается задержанному лицу по его просьбе

Статья 27.5. Сроки административного задержания

"1. Срок административного задержания не должен превышать три часа, за исключением случаев, предусмотренных частями 2 и 3 настоящей статьи.

2. Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, посягающем на установленный режим государственной границы Российской Федерации... может быть подвергнуто административному задержанию на срок не более 48 часов.

3. Лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, влекущем в качестве одной из мер административного наказания административный арест, может быть подвергнуто административному задержанию на срок не более 48 часов...".

4. Срок административного задержания исчисляется с момента доставления [лица] в соответствии со статьей 27.2 [в отделение полиции], и в отношении лица, находящегося в состоянии алкогольного опьянения, с момента его вытрезвления".

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 10 И 11 КОНВЕНЦИИ

45. Заявители жаловались на то, что их задержание и заключение под стражу 5 декабря 2011 года, а также признание их виновными в совершении административного правонарушения нарушило их право на свободу выражения мнений и право на свободу мирных собраний, гарантированные статьями 10 и 11 Конвенции, которые гласят:

Статья 10 (свобода выражения мнения)

"1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ... Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. "Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия".

Статья 11 (свобода собраний и объединений)

"1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и

нравственности или защиты прав и свобод других лиц..." Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства.

А. Приемлемость жалобы

46. Суд отмечает, что данная часть жалобы не является явно необоснованной в рамках значения подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Кроме того, Суд

отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

1. Замечания сторон

47. Заявители утверждали, что они были задержаны после того, как приняли участие в согласованном митинге, носящим политический характер, были содержались в отделении полиции, и впоследствии осуждены за совершение административного правонарушения в качестве ответной меры за публичное выражение своих оппозиционных политических взглядов. Оба заявителя указали, что не планировали проведение шествия после согласованного митинга. Они утверждали, что прогуливались в направлении, где стоял автомобиль первого заявителя, когда сотрудники внутренних войск и ОМОН загородили им дорогу и задержали без предупреждений или объяснения причин. Оба заявителя отрицали получение каких-либо распоряжений от полиции. Они сослались на показания свидетелей, данных мировому судье о том, что заявители не оказывали сопротивления полиции. Они жаловались на то, что суды отклонили это доказательство как не имеющее отношение к делу и необъективное.

48. Власти признали тот факт, что задержание заявителей и признание их виновными в совершении административного правонарушения явилось вмешательством в их право на свободу выражения мнений и на свободу собраний. Тем не менее, они утверждали, что данные меры являлись законными, и преследовали правомерную и законную цель поддержания общественного порядка, а также были соразмерны этой цели в соответствии с пунктом 2 статьи 10 и пунктом 2 статьи 11 Конвенции. Власти утверждали, что заявители пытались провести стихийное несогласованное публичное мероприятие в центре г. Москвы, что полиция законно требовала от них прекратить шествие, но заявители продолжили незаконные действия и подлежали разгону и задержанию.

2. Оценка Суда

(а) Объем жалоб заявителей

49. Суд отмечает, что в обстоятельствах дела статья 10 Конвенции должна рассматриваться как *lex generalis* по отношению к статье 11 Конвенции, *lex specialis* (см. постановление Европейского Суда от 26 апреля 1991 года по делу "Эзелин против Франции" (*Ezelin v. France*), пункт 35, Series A, N 202, и постановление Европейского Суда от 3 октября 2013 года по делу "Каспаров и другие против России" (*Kasparov and Others v. Russia*), жалоба N 21613/07, пункты 82-83). Суд рассмотрит настоящую жалобу в соответствии со статьей 11 Конвенции.

50. С другой стороны, несмотря на ее независимую роль и особую сферу применения, статья 11 Конвенции в настоящем деле должна также рассматриваться в свете статьи 10 Конвенции. Защита личного мнения, гарантированная статьей 10 Конвенции, является одной из целей права на свободу мирных собраний, закрепленного статьей 11 Конвенции (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу "Эзелин против Франции", пункт 37).

(b) Имело ли место вмешательство в осуществление права на свободу мирных собраний

51. Суд повторяет, что "вмешательство" в осуществление свободы мирных собраний не обязательно должно являться прямым юридическим или *de facto* запретом, но может состоять из различных иных мер, предпринятых властями. Термин "ограничения" в пункте 2 статьи 11 должен толковаться как включающий меры, предпринятые до или во время собрания, так и такие меры, как штрафные санкции, примененные впоследствии (см. постановление по делу "Эзелин против Франции", упомянутое выше, пункт 39). Например, предварительный запрет может иметь сдерживающий эффект для лиц, которые намерены участвовать в собрании и, таким образом, представлять собой вмешательство, даже если митинг впоследствии пройдет без препятствий со стороны властей (см. постановление ЕСПЧ по делу "Бажковски и другие против Польши" (*B czkowski and Others Poland*), жалоба N 1543/06, пункты 66-68, 3 мая 2007 г.). Если гражданину не разрешается путешествовать с целью участия в публичном мероприятии, это также признается вмешательством (см. постановление ЕСПЧ по делу "Джавит Ан против Турции" (*Djavit An Turkey*), жалоба N 20652/92, пункты 5962, ЕСПЧ 2003III). Также признаются вмешательством меры, принятые властями в ходе митинга, такие как прекращение митинга или задержание участников (см. постановление ЕСПЧ по делу "Ойя Атаман против Турции" (*Oya Ataman v. Turkey*), жалоба N 74552/01, пункты 7 и 30, ЕСПЧ 2006XIII, и постановление ЕСПЧ от 31 марта 2009 года по делу "Гайд Парк и другие против Молдовы" (*Hyde Park and Others v. Moldova*), жалоба N 33482/06, пункты 9, 13, 16, 41, 44 и 48), и штрафы, наложенные за принятие участия в митинге (см. постановление ЕСПЧ по делу "Эзелин против Франции", упомянутое выше, пункт 41; решение ЕСПЧ по делу "Османи и другие против бывшей Югославской Республики Македония" (*Osmani and Others v. "the former Yugoslav Republic of Macedonia"*), жалоба N 50841/99, ЕСПЧ 2001X; постановление ЕСПЧ от 11 января 2007 года по делу "Мкртчян против Армении" (*Mkrtchyan v. Armenia*), жалоба N 6562/03, пункт 37; постановление ЕСПЧ от 15 ноября 2007 года по делу "Галстян против Армении" (*Galstyan v. Armenia*), жалоба N 26986/03, пункты 100102; постановление ЕСПЧ от 17 июля 2008 года по делу "Ашугян против Армении" (*Ashughyan v. Armenia*), жалоба N 33268/03, пункты 7577; и постановление ЕСПЧ от 23 октября 2008 года по делу "Сергей Кузнецов против России" (*Sergey Kuznetsov v. Russia*), жалоба N 10877/04, пункт 36)

52. В настоящем деле Власти подчеркнули, что заявители проводили публичное мероприятие, время и место которого не было согласовано и которое подлежало прекращению, и так как заявители не подчинились распоряжению об остановке шествия, их задержание обосновывалось необходимостью поддержания общественного порядка. Власти также указали, что заявители были признаны виновными в совершении административного правонарушения, заключающегося в неповиновении законному распоряжению сотрудника полиции о прекращении шествия, которое было дано в соответствии с ч. 4 ст. 17 Федерального закона о собраниях. Указанное положение предусматривало административную ответственность участников публичных мероприятий за неповиновение законным распоряжениям полиции. Заявители, со своей стороны, признали, что фактически они были наказаны за участие в согласованном публичном мероприятии на Чистых Прудах. Суд считает, что при любом толковании в данной ситуации имелась четкая и признанная связь между осуществлением заявителями свободы мирных собраний и мерами, принятыми в их отношении. Соответственно, их задержание, содержание в отделении полиции и соответствующие обвинения в совершении административных правонарушений представляли собой вмешательство в их право, гарантированное статьей 11 Конвенции.

(с) Являлось ли вмешательство оправданным

53. Суд повторяет, что право на свободу мирных собраний является фундаментальным правом в демократическом обществе и одной из основ такого общества (см., среди многочисленных источников, постановление ЕСПЧ по делу "Галстян против Армении", упомянутое выше, пункт 114). Данное право, в котором одной из целей является защита личного мнения, подлежит ряду исключений, которые должны подлежать узкому толкованию, а необходимость любых ограничений этого права должна быть убедительно обоснована. При рассмотрении вопроса о том, можно ли считать ограничение прав и свобод, гарантированных Конвенцией, "необходимыми в демократическом обществе" Договаривающиеся Государства пользуются определенной, но не неограниченной свободой усмотрения. Вмешательство будет считаться "необходимым в демократическом обществе" с законной целью, если оно отвечает "настоятельной социальной потребности" и, в частности, если оно соразмерно преследуемой цели и если доводы, приводимые национальными властями в оправдание, являются "относимыми и достаточными" (см., например, постановление Большой Палаты ЕСПЧ от 18 января 2001 года по делу "Костер против Соединенного Королевства" (*Coster v. the United Kingdom*), жалоба N 24876/94, пункт 104, и постановление Большой Палаты ЕСПЧ по делу "С. и Марпер против Соединенного Королевства" (*S. and Marper v. the United Kingdom*), жалобы NN 30562/04 и 30566/04, пункт 101, ЕСПЧ 2008). В любом случае, окончательное определение по сопоставимости применимого ограничения с Конвенцией выносится Судом, посредством оценки обстоятельств конкретного дела (см. Постановление ЕСПЧ по делу Османи и других, упомянутое выше).

54. В свете этих принципов Суд рассмотрит вопрос о том, было ли вмешательство в право заявителей на проведение мирного собрания законным, преследовало ли оно правомерную цель, и было ли оно необходимым в демократическом обществе.

55. Суд отмечает, что при оспаривании законности мер, принятых в их отношении, заявители утверждали, что решения внутригосударственных судов были основаны на неверном изложении соответствующих фактов. Заявители, в частности, утверждали, что они прогуливались по тротуару без намерения проводить шествие; они отрицали получение распоряжений от сотрудников полиции об остановке или неповиновение распоряжению полиции.

56. Не оспаривается тот факт, что 5 декабря 2011 года заявители приняли участие в согласованном мирном публичном мероприятии на Чистых Прудах. Также не оспаривается то, что после митинга заявители прогуливались на протяжении примерно 1,5 км в группе людей, количеством от шестидесяти до ста, до тех пор, пока не были остановлены сотрудниками внутренних войск и ОМОН по адресу Театральный проезд, дом 2. По словам властей, заявители прогуливались от Чистопрудного бульвара вниз по улицам Большая Лубянка, Кузнецкий Мост и Рождественка. Этот маршрут не оспаривался заявителями, так что Суд считает это установленным фактом. Учитывая это, утверждение заявителей о том, что на момент их задержания они направлялись к своему автомобилю, находившемуся возле станции метро "Кузнецкий Мост", не имеет отношения к делу, так как они должны были пройти эту точку задолго до места их задержания. В любом случае, ясно, что на том этапе заявители отошли на некоторое расстояние с определенным количеством людей. Независимо от того, выкрикивали они лозунги или нет, и шли они по дороге или по тротуару, у властей были обоснованные причины принимать толпу за стихийный марш, даже если сами заявители не считали его таковым.

57. Что касается последующего столкновения заявителей с сотрудниками внутренних войск и ОМОН, стороны не пришли к согласию по вопросу о том, давала ли полиция заявителям распоряжения об остановке шествия до принятия решения об их задержании. Они также не пришли к согласию по вопросу о том, отталкивали ли заявители сотрудников полиции, или сопротивлялись ли задержанию иным образом.

58. Сотрудники полиции И. и Ф. утверждали, что делали неоднократные предупреждения заявителям перед их задержанием, и утверждали, что заявители сначала проигнорировали их, а затем оказали сопротивление при задержании. Противоречивые показания, данные обоими заявителями и троими другими свидетелями, были отклонены судами по причине их несовместимости с показаниями И. и Ф., на том основании, что последние не имели причин клеветать в отношении заявителей. Материалов дела недостаточно для того, чтобы Суд подтвердил версию событий, изложенную одной из сторон, и чтобы установить, отдавала ли полиция распоряжения заявителям до задержания последних.

59. Следовательно, на основании имеющихся доказательств Суд не может принять решение о том, являлись ли действия властей законными. В любом случае,

Суд считает, что в настоящем деле вопрос соблюдения законности неразрывно связан с вопросом, было ли данное вмешательство "необходимым в демократическом обществе". Поэтому он рассмотрит этот вопрос ниже (см. постановление ЕСПЧ по делу "Христианско-демократическая партия против Молдовы" (Christian Democratic People's Party v. Moldova, жалоба N 28793/02, пункт 53, ЕСПЧ 2006II).

60 Возвращаясь к наличию законной цели, Суд допускает, что задержание заявителей и предъявление им обвинений в административном правонарушении преследовали законную цель поддержания общественного порядка, как утверждали Власти.

61. Чтобы оценить, являлось ли вмешательство "необходимым в демократическом обществе", Суд рассмотрит соразмерность мер, принятых в отношении заявителей, в свете доводов, приведенных внутригосударственными судами. Суд отмечает, что в настоящем деле такие меры включали прекращение шествия, задержание заявителей и признание их виновными в совершении административного правонарушения, и рассмотрит соразмерность каждой из мер.

(i) Прекращение шествия

62. В соответствии с постановлениями внутригосударственных судов, действия, вменяемые заявителям, включали проведение спонтанного шествия в нарушение требований закона и продолжение следования по маршруту, несмотря на приказы о прекращении публичного мероприятия. Суд установил выше, что даже если бы заявители не намеревались проводить шествие, появление большой группы протестующих,двигающихся вместе, могло быть обоснованно сочтено таковым (см. пункт 56 выше). Являлось ли такое шествие неудобным и принятия каких мер это требовало со стороны полиции, зависело от серьезности причиняемых им нарушений общественного порядка.

63. Суд повторяет, что хотя это не противоречит а priori духу статьи 11, если, в целях поддержания общественного порядка и национальной безопасности, Высокая Договаривающаяся сторона требует, чтобы публичные мероприятия проводились с согласования, противозаконная ситуация, а именно, проведение демонстрации без предварительного согласования, не оправдывает нарушения права на свободу собраний (см. постановление ЕСПЧ по делу "Сисс против Франции" (Cisse v. France), жалоба N 51346/99, пункт 50, ЕСПЧ 2002III, и постановление ЕСПЧ по делу Ойя Атаман, упомянутое выше, пункты 37 и 39). В то время как нормы, регулирующие порядок проведения публичных мероприятий, включая процедуру предварительного уведомления о проведении таковых, являются важными для беспрепятственного проведения публичных мероприятий, так как они позволяют властям свести к минимуму перебои в работе транспорта и принять прочие меры безопасности, их принудительное исполнение не может являться самоцелью. В частности, если участники несогласованного публичного мероприятия не предпринимали действий насильственного характера, Суд требовал, чтобы

государственные органы проявляли определенную степень толерантности к мирным собраниям, чтобы не лишать право на свободу собраний, гарантированную статьей 11 Конвенции, всего смысла (там же, пункт 42; см. также постановление ЕСПЧ по делу "Букта и другие против Венгрии" (Bukta and Others v. Hungary), N 25691/04, пункт 34, ЕСПЧ 2007III; постановление ЕСПЧ от 24 июля 2012 года по делу "Фабер против Венгрии" (Faber v. Hungary), N 40721/08, пункт 49; постановление ЕСПЧ от 10 июля 2012 года по делу "Берладир и другие против России" (Berladir and Others v. Russia), жалоба N 34202/06, пункт 38; постановление ЕСПЧ от 30 мая 2013 года по делу "Малофеева против России" (Malofeyeva v. Russia), жалоба N 36673/04, пункты 136-37, и постановление ЕСПЧ по делу Каспарова, упомянутое выше, пункт 91

64. В настоящем деле Власти опирались на необходимость поддержания общественного порядка и обеспечение безопасности дорожного движения в качестве обоснования прекращения шествия. Тем не менее, Суд отмечает, что шествие, или предполагаемое шествие (см. пункт 56 выше), длилось всего пятнадцать минут, являлось мирным, и количество участников - не более ста человека - не могло представлять трудности для защиты и остановки сотрудниками внутренних войск и ОМОН, в случае необходимости, посредством направления их с дороги на тротуар.

65. Таким образом, Суд заключает, что применение силы к заявителям со стороны полиции имело место только по причине того, что шествие как таковое не являлось согласованным. Следовательно, внутригосударственные суды не сделали попыток оценить степень рисков, наложенных заявителями и их коллегами - протестующими, или проверить, имелась ли необходимость прекращения шествия. Соответственно, Власти не продемонстрировали существование "настоятельной общественной необходимости" в прекращении спонтанного шествия.

66. С учетом изложенного, Суд считает, что в данном деле вмешательство со стороны полиции являлось несоразмерным и не являлось необходимым для предотвращения массовых беспорядков в значении второго пункта статьи 11 Конвенции.

(ii) Задержание заявителей

67. Власти указали, что заявители были задержаны по причине неповиновения законному распоряжению сотрудников полиции в нарушение статьи 19.3 Кодекса об административных правонарушениях. Суд установил выше, что не может установить, давали ли сотрудники полиции какие-либо распоряжения заявителям перед их задержанием (см. пункт 58 выше). Тем не менее, даже предполагая, что полиция точно изложила факты и заявители в самом деле не подчинились распоряжениям о прекращении шествия, реакция властей должна была соответствовать внутригосударственному праву и быть пропорциональной применяемым мерам и поставленным целям.

68. Суд отмечает, что если сотрудники полиции считали, что заявители совершают административное правонарушение, им было необходимо составить

протокол об административном правонарушении. В соответствии со статьей 27.2 Кодекса об административных правонарушениях заявители могли быть доставлены в отделение полиции, если только протокол об административном правонарушении не мог быть составлен на месте выявления правонарушения. Власти не утверждали, что в настоящем деле это было невозможно, и в решениях внутригосударственных судов не упомянуто препятствий для этого. Напротив, Власти сообщили, что сотрудники полиции явным образом указали заявителям пройти к полицейскому фургону для составления протоколов об административных правонарушениях. Неясно, почему они оставили это намерение, как только заявители оказались в фургоне. Дополнительно, внутригосударственные суды пренебрегли рассмотрением жалоб заявителей о том, что в их случае не было необходимости доставлять их в отделение полиции.

69. Суд, со своей стороны, не может усмотреть причин применения таких мер в обстоятельствах дела и, следовательно, заключает, что не имелось "настоятельной общественной необходимости" в задержании заявителей и их доставлении в отделение полиции. Следовательно, указанные меры не являлись соразмерными необходимыми для предотвращения беспорядков в свете второго пункта статьи 11 Конвенции.

(iii) Признание виновными в совершении административного правонарушения

70. Заявители были признаны виновными в неповиновении законному требованию сотрудника полиции по причине продолжения шествия после приказа остановиться. Наказание представляло собой административный арест на пятнадцать суток в соответствии со статьей 19.3 Кодекса об административных правонарушениях. В соответствии с ч. 4 статьи 17 Федерального закона о собраниях, такое правонарушение влекло за собой наступление административной ответственности.

71. По мнению Суда, указанное наказание не отражало степени тяжести правонарушения, которое, если вообще имело место, в любом случае оставалось сравнительно небольшим.

72. Суд считает, что наказание, примененное к заявителям, не было обусловлено обстоятельствами дела и являлось несоразмерным в соответствии со статьей 11 Конвенции.

(iv) Заключение

73. Выше Суд пришел к выводу о том, что указанные меры, примененные к заявителям, не являлись соразмерными преследуемой законной цели. Суд также отмечает, что полиция и суды явным образом признали, что заявители были наказаны за проведение спонтанной мирной демонстрации и скандирование антиправительственных лозунгов, то есть за действия, защищенные в соответствии со статьями 10 и 11 Конвенции. Суды не попытались достичь баланса между

законными интересами заявителей и ущербом, который мог быть причинен другим общественным или частным интересам. Прекращение предполагаемого шествия, задержание и последующее признание заявителей виновными в совершении административных правонарушений не могло не воздействовать на желание заявителей принимать участие в оппозиционных митингах или принимать активное участие в политической деятельности оппозиции.

74. Несомненно, данные меры имели также серьезные последствия для удерживания других сторонников оппозиции и общества в целом от участия в публичных мероприятиях, и, в более общем смысле, от участия в открытой политической дискуссии. Сдерживающий эффект этих санкций дополнительно усиливался тем, что они были направлены на известных публичных деятелей, и лишение их свободы должно было вызвать широкий резонанс в средствах массовой информации.

75. В свете вышесказанного Суд заключает, что прекращение предполагаемого шествия, задержание и последующее признание заявителей виновными в совершении административных правонарушений не были обоснованы настоящей общественной необходимостью и, следовательно, не являлись необходимыми в демократическом обществе. Соответственно, имело место нарушение статьи 11 Конвенции в отношении обоих заявителей.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

76. Заявители жаловались на нарушение их права на справедливое и публичное разбирательство в ходе административного судопроизводства. Они ссылались на подпункты (b), (c) и (d) пункта 3 и пункт 1 статьи 6 Конвенции, которые в части, имеющей отношение к настоящему делу, гласят следующее:

"1. При рассмотрении... любого предъявленного ему уголовного обвинения каждый имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела... судом...

...

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

...

(b) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;

(c) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия;

(d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него;

A. Приемлемость жалобы

77. Суд повторяет, что для того, чтобы определить, имеет ли правонарушение "уголовную природу" для целей статьи 6 Конвенции, необходимо установить, относится или нет положение, определяющее принадлежность преступления к какой-либо категории в рамках правовой системы государства-ответчика к уголовному праву; затем должны рассматриваться "сам характер правонарушения" и степень тяжести возможного наказания (см. постановление Европейского Суда по делу "Менешева против России" (Menesheva v. Russia), жалоба N 59261/00, пункт 95, ECHR 2006III). Лишение свободы, назначаемое в качестве наказания за правонарушение, в целом относится к уголовной сфере, если по своей природе, продолжительности или манере исполнения оно не влечет значительный вред (см. постановление Европейского Суда от 8 июня 1976 года по делу "Энгель и другие против Нидерландов" (Engel and Others v. the Netherlands), пункты 82-83, Серия А, N 22, и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Эзе и Коннорс против Соединенного Королевства" (Ezeh and Connors v. the United Kingdom), 39665/98 и 40086/98, пункты 69-130, ЕСПЧ 2003-Х).

78. В настоящем деле Власти согласились, что статья 6 была применима к рассматриваемым судебным разбирательствам. Суд считает, что данное правонарушение следует классифицировать в качестве "уголовного" с учетом тяжести санкции и ее исключительно наказующей цели (см. постановление ЕСПЧ по делу Менешевой, пункты 94-98, постановление ЕСПЧ по делу Малофеевой, пункты 99-101, и постановление ЕСПЧ по делу Каспарова, пункты 39-45, упомянутые выше).

79. Также Суд полагает, что данная часть жалобы не является явно необоснованной по смыслу подпункта "а" пункта 3 статьи 35 Конвенции. Никаких иных оснований для признания жалобы неприемлемой установлено не было. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

1. Замечания сторон

80. Власти настаивали на том, что судебные разбирательства по административным делам заявителей соответствовали статье 6 Конвенции. Они утверждали, что каждому из заявителей была предоставлена справедливая возможность изложить свои доводы по делу, воспользоваться правом на вызов свидетелей, давших показания в их пользу, на допрос свидетелей стороны обвинения, в частности, сотрудников полиции, и представить другие доказательства. Заявителям была предоставлена возможность заявлять письменные ходатайства, и они воспользовались данным правом. Власти утверждали, что судебные заседания являлись открытыми для всех, включая журналистов, которые присутствовали в зале суда.

81. Заявители, напротив, утверждали, что судопроизводство в их отношении было несправедливым. Они жаловались на то, что суд отказал в приобщении видеоматериалов их задержания в качестве доказательства, а также в вызове и допросе запрошенных ими свидетелей, и отклонил определенные вопросы к сотрудникам полиции в ходе их допроса. Кроме того, суд не соблюдал принцип равноправия сторон, отклонив показания всех свидетелей стороны защиты, при этом учитывая показания двоих сотрудников полиции. Также заявители жаловались, что судебное заседание не было открытым, что их право на защиту было нарушено, и что им не было предоставлено соответствующее время на подготовку их защиты. Наконец, они утверждали, что проведя ночь в поездках между тремя отделениями полиции и затем в ужасных условиях в отделении полиции "Китай-Город", они были не в состоянии предстать перед судом на следующий день и эффективно защищать себя.

2. Оценка Суда

82. Хотя допустимость доказательств регулируется главным образом внутригосударственным правом, задача Суда состоит в том, чтобы убедиться, что соответствующие судебные разбирательства в целом являлись справедливыми в соответствии с требованиями пункта 1 статьи 6 (см. постановление ЕСПЧ от 19 декабря 1990 года по делу "Дельта против Франции" (Delta v. France), пункт 35, Серия А N 191, и постановление ЕСПЧ от 22 апреля 1992 года по делу "Видал против Бельгии" (Vidal v. Belgium), пункт 33, Серия А N 235В). В контексте сбора доказательства, Суд требует, чтобы заявителю была "предоставлена обоснованная возможность представить его дело в условиях, которые не ставят его в невыгодное положение по сравнению с его оппонентом" (см. постановление ЕСПЧ от 22 февраля 1996 года по делу "Булут против Австрии" (Bulut v. Austria), пункт 47, Отчеты о постановлениях и решениях 1996II, и постановление ЕСПЧ по делу Каспарова, упомянутое выше, пункты 58-65).

83. Выше Суд пришел к выводу о том, что обстоятельства противостояния заявителей и сотрудников внутренних войск и ОМОН оспаривались сторонами административного производства (см. пункт 58 выше). Тем не менее, суды, проводившие указанные судебные разбирательства, приняли решение основать свои постановления исключительно на версии событий, изложенной полицией, и отказались приобщать к делу дополнительные доказательства, такие как видеозаписи, или вызывать других свидетелей, когда заявители стремились доказать, что полиция не отдавала никаких приказов перед их задержанием. Суд считает, что в споре о фактах, лежащих в основе обвинения, когда единственными свидетелями стороны обвинения являлись сотрудники полиции, исполнявшие активную роль в оспариваемых событиях, мировой судья и Тверской районный суд должны были использовать все разумные возможности проверки обвинительных показаний (см. постановление ЕСПЧ по делу Каспарова, упомянутое выше, пункт 64). Неисполнение данных требований противоречило основному требованию о том,

что сторона обвинения должна доказать виновность, и одному из основополагающих принципов уголовного права, а именно: "сомнение толкуется в пользу обвиняемого" (см., с учетом необходимых изменений, постановление Европейского Суда от 6 декабря 1988 года по делу "Барбера, Мессег и Ябардо против Испании" (Barber, Messegu and Jabardo v. Spain), пункт 77, Series A, N 146; постановление Европейского Суда от 28 ноября 2002 года по делу "Лавентс против Латвии" (Lavents v. Latvia), жалоба N 58442/00, пункт 125; и постановление Европейского Суда от 24 июля 2008 года по делу "Мелич и Бек против Чехии" (Melich and Beck v. the Czech Republic), жалоба N 35450/04, пункт 49).

84. Более того, Суд отмечает, что суды ограничились своим рассмотрением дела об административном правонарушении предполагаемым неповиновением заявителей, не удосужившись рассмотреть вопрос о "законности" распоряжения полиции, отклонив соответствующие вопросы в ходе допроса сотрудников полиции (см. пункт 33 выше; ср. постановление Европейского Суда от 26 июля 2007 года по делу "Махмудов против России" (Makhmudov v. Russia), жалоба N 35082/04, пункт 82). Таким образом, они применили к заявителям наказание за действия, защищенные Конвенцией, без обоснования вмешательства полиции в право заявителей на свободу собраний, что является нарушением принципа равноправия сторон.

85. Вышеизложенных соображений достаточно для того, чтобы Суд сделал вывод о том, что административное производство против заявителей в целом составило нарушение их права на справедливое разбирательство в суде в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции.

86. С учетом этих выводов, Суд не считает необходимым рассматривать оставшуюся часть жалоб заявителей в соответствии с пунктами 1 и 3 статьи 6 Конвенции (тем не менее, см. пункт 95 ниже).

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

87. Заявители жаловались, что их задержание являлось произвольным и незаконным. Они утверждали, что лишение их свободы в течение первых шести часов после задержания не соответствовало внутригосударственному законодательству, и что соответствующее содержание под стражей в отделении полиции "Китай-Город" не являлось обоснованным. Пункт 1 статьи 5 в соответствующей части гласит следующее:

"1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

(а) законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом;

(б) законный арест или задержание лица за несоблюдение законного распоряжения суда или для обеспечения выполнения какого-либо обязательства, предписанного законом;

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

(d) заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;

(е) законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;

(f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче".

А. Приемлемость жалобы

88. Суд отмечает, что данная часть жалобы не является явно необоснованной в рамках значения подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

1. Замечания сторон

89. Власти утверждали, что заявители не подчинились распоряжению сотрудников полиции об остановке несанкционированного шествия и проигнорировали распоряжение следовать за сотрудниками полиции к полицейскому фургону для составления протокола об административном правонарушении. По словам Властей, заявители активно сопротивлялись полиции в нарушение статьи 19.3 Кодекса об административных правонарушениях и полиция задержала заявителей с целью прекращения оскорбительного поведения в соответствии со статьей 27.2 Кодекса. Власти признали, что заявители находились в полиции с момента их задержания в 20:45 5 декабря 2011 года до 10:00 (второй заявитель) и 15:00 (первый заявитель) следующего дня. Власти также подтвердили,

что срок задержания заявителей рассчитывался с 02:30 6 декабря 2011 года, когда они были доставлены в отделение полиции "Китай-Город". На основании пункта 3 статьи 27.5 Кодекса, они возразили, что сроки административного задержания заявителей под стражей не превышали законного периода в сорок восемь часов.

90. Заявители продолжали настаивать на своих жалобах. Они утверждали, что не было необходимости задерживать их с целью составления протокола; что в течение первых шести часов после их задержания они незаконно содержались в отделении полиции без протокола об административном задержании, во время транспортировки между тремя отделениями полиции; и что после того, как в отделении полиции "Китай-Город" были составлены протоколы, не имелось причин задерживать в ожидании проведения заседания мировым судьей.

2. Оценка Суда

91. Суд напоминает, что выражения "законный" и "в порядке, установленном законом", используемые в пункте 1 статьи 5, в сущности, относятся к национальному законодательству и устанавливают обязательство по соблюдению его материальных и процессуальных норм. Тем не менее, "законность" содержания под стражей в соответствии с национальным законодательством не всегда имеет решающее значение. Помимо этого, Суд обязан удостовериться в том, что содержание под стражей в рассматриваемый период соответствовало цели пункта 1 статьи 5 Конвенции, которая состоит в недопущении произвольного лишения свободы. В этой связи он напоминает, что список исключений в отношении права на свободу, перечисленный в пункте 1 статьи 5, является исчерпывающим и только узкое толкование этих исключений согласуется с целью этого положения, а именно, обеспечить, чтобы никто не был лишен свободы произвольно (см., среди прочих источников, постановление ЕСПЧ от 1 июля 1997 года по делу "Джулия Мандзони против Италии" (*Giulia Manzoni v. Italy*), пункт 25, Отчеты 1997IV).

92. Не оспаривался тот факт, что с 20:45 5 декабря 2011 года заявители были лишены свободы в соответствии со значением пункта 1 статьи 5 Конвенции. По-видимому, их задержание и административный арест имели своей целью то, чтобы заявители предстали перед компетентным судебным органом в связи с подозрением в совершении административного правонарушения и, следовательно, относятся к сфере действия подпункта (с) пункта 1 статьи 5 Конвенции. Власти утверждали, что правовым основанием задержания являлась статья 27.2 Кодекса об административных правонарушениях, которая разрешала полиции доставлять лиц в отделение полиции с целью составления протокола об административном правонарушении.

93. Выше Суд пришел к выводу о том, что доставление заявителей в отделение полиции не являлось строго необходимым в соответствующих обстоятельствах (см. пункт 68 выше). Суд также отмечает, что пункт 4 статьи 27.5 Кодекса об административных правонарушениях явным образом исключает время их доставления из срока административного задержания. В то время как

законодательство не считает доставку частью административного задержания, оно не устанавливает ограничения продолжительности самого доставления, предположительно, по причине его незначительности. Для сравнения, продолжительность административного задержания как правило не должна превышать трех часов, и такой срок является указанием периода времени, который в соответствии с законом считается обоснованным и достаточным для составления протокола об административном правонарушении.

94. Суд принимает во внимание тот факт, что после задержания заявители были доставлены последовательно в три отделения полиции, и только в третьем были составлены протоколы об административных правонарушениях, в 02:30 6 декабря 2011 года. Суд отмечает, что в соответствии с пунктом 4 статьи 27.5 Кодекса, срок административного задержания исчисляется с момента доставления подозреваемого в отделение полиции, и он считает, что доставление заявителей завершилось в 21:40, когда их доставили в первое отделение полиции "Северное Измайлово". Неясно, почему протоколы не были составлены в этом отделении полиции, учитывая, что заявители провели там три часа и был проведен их личный обыск, отраженный в протоколе обыска. Власти не объяснили, почему заявители были отправлены в два других отделения полиции без составления протокола об административном правонарушении или вынесения протокола административного задержания в первом или даже во втором отделении полиции.

95. "Перевозка" заявителей до прибытия в отделение полиции "Китай-Город" длилась около шести часов, в отсутствие какого-либо документа и без учета времени перевозки при исчислении срока административного задержания. В соответствии с обоснованием Властей, он мог длиться даже больше без нарушения законодательства. С учетом вышесказанного, Суд приходит к выводу, что данный период ограничения свободы не был задокументирован и не признавался задержанием, что, по неизменному мнению Суда, является полным отрицанием фундаментально важных гарантий, приведенных в статье 5 Конвенции, и является самым серьезным нарушением указанного положения (см. постановление ЕСПЧ от 25 октября 2005 года по делу "Федотов против России" (*Fedotov v. Russia*), жалоба N 5140/02, пункт 78; постановление ЕСПЧ по делу Менешевой, упомянутое выше, пункт 87; постановление ЕСПЧ от 2 октября 2008 года по делу "Белоусов против России" (*Belousov v. Russia*), жалоба N 1748/02, пункт 73; и постановление ЕСПЧ от 4 ноября 2010 года по делу "Александр Соколов против России" (*Aleksandr Sokolov v. Russia*), жалоба N 20364/05, пункты 71-72; см. также постановление ЕСПЧ от 25 мая 1998 года по делу "Курт против Турции" (*Kurt v. Turkey*), пункт 125, Отчеты 1998III, и постановление ЕСПЧ по делу "Ангуелова против Болгарии" (*Anguelova v. Bulgaria*), жалоба N 38361/97, пункт 157, ЕСПЧ 2002IV).

96. Наконец, Суд отмечает, что как только протоколы об административных правонарушениях были составлены в отделении полиции "Китай-Город", цель доставления заявителей в отделение полиции была выполнена. Тем не менее, вместо освобождения в 02:30 6 декабря 2011 года, заявители были официально задержаны с целью обеспечения их явки на заседание мирового судьи. Власти возразили, что

срок административного задержания заявителей не превышал сорока восьми часов, предусмотренных ч. 3 статьи 27.5 Кодекса об административных правонарушениях. Тем не менее, ни Власти, ни другие внутригосударственные органы власти не предоставили обоснования для выбора такой меры пресечения. Суд повторяет, что лишение свободы - весьма суровая мера, и может быть оправдано, если по итогам оценки возможности применения иных, менее суровых мер, они были признаны недостаточными для защиты интересов данного лица или общества, которые могут потребовать арест данного лица. Одного факта, что лишение свободы соответствовало внутригосударственному законодательству, недостаточно; такое ограничение должно быть также необходимо в соответствующих обстоятельствах (см. постановление ЕСПЧ по делу "Витольд Литва против Польши" (Witold Litwa v. Poland), жалоба N 26629/95, пункт 78, ЕСПЧ 2000III, и постановление ЕСПЧ по делу "Энхорн против Швеции" (Enhorn v. Sweden), жалоба N 56529/00, пункт 42, ЕСПЧ 2005I). Учитывая это, не существовало оснований полагать, что заявители скроются или иным образом будут препятствовать отправлению правосудия, и в любом случае, органы власти должны были доказать наличие любого такого риска. В отсутствие явных причин, препятствующих освобождению заявителей, представленных властями, Суд считает, что задержание заявителей в течение ночи в отделении полиции "Китай-Город" являлось необоснованным и произвольным.

97. В итоге, Суд приходит к выводу о том, что задержание заявителей 5 и 6 декабря 2011 года являлись незаконными и произвольными. Он приходит к выводу о нарушении права заявителей на свободу в связи с их необоснованным доставлением в отделение полиции, ограничением их свободы на шесть часов без составления соответствующего протокола в ходе перевозки и в связи с необоснованным задержанием их в отделении полиции "Китай-Город".

98. Соответственно, было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в отношении обоих заявителей;

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 3 И 13 КОНВЕНЦИИ

99. Заявители также жаловались на предположительно ненадлежащие условия содержания в отделении полиции "Китай-Город" и в ходе их последовательной перевозки в три отделения полиции после их задержания. Статья 3 Конвенции гласит следующее:

"Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию".

Заявители также утверждали, что в их распоряжении не было эффективных средств правовой защиты в отношении ненадлежащих условий содержания, требуемых в соответствии со статьей 13 Конвенции, которая гласит следующее:

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе..."

А. Приемлемость жалобы

100. Власти утверждали, что заявители не исчерпали эффективные средства правовой защиты, которые были доступны им для обжалования предполагаемого нарушения их прав, предусмотренных статьей 3 Конвенции, по крайней мере, в той степени, в какой они жаловались на отсутствие постельных принадлежностей, продуктов питания и недостаточную освещенность и вентиляцию. Они посчитали, что жалоба в прокуратуру позволила бы компетентному органу разрешить их ситуацию.

101. Что касается существа дела, Власти Российской Федерации оспорили приведенное заявителями описание условий их содержания под стражей в камере в отделении полиции и предоставили альтернативную версию, изложенную в пункте 20 выше. Они утверждали, что условия содержания заявителей под стражей соответствовали требованиям статьи 3 Конвенции.

102. Заявители не согласились с утверждением Властей о том, что они не исчерпали внутригосударственные средства правовой защиты, и утверждали, что они несколько раз пытались добиться восстановления своих прав. Они настаивали на том, что у них не было эффективного средства правовой защиты в отношении жалобы на ненадлежащие условия содержания под стражей и транспортировки. Они указали, что 6 декабря 2011 года мировой судья отказал в рассмотрении их жалоб на условия содержания под стражей и транспортировки, не указав причин отказа.

103. Суд полагает, что вопрос об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты тесно связан с существом жалобы заявителей на то, что в их распоряжении не имелось эффективных средств правовой защиты в отношении жалоб на ненадлежащие условия содержания под стражей. Таким образом, Суд считает необходимым приобщить возражения Властей к существом жалобы заявителей в соответствии со статьей 13 Конвенции.

104. Суд также отмечает, что данная часть жалобы не является явно необоснованной в значении подпункта "а" пункта 3 статьи 35 Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

1. Исчерпание внутренних средств правовой защиты и предполагаемое нарушение статьи 13 Конвенции

105. Суд напоминает, что правило исчерпания внутренних средств правовой защиты, упомянутое в статье 35 Конвенции, обязывает лиц, желающих обратиться в Суд с жалобой против государства, предварительно использовать средства правовой

защиты, предусмотренные национальной правовой системой. Соответственно, на Власти не может быть возложена международно-правовая ответственность за свои действия, прежде чем соответствующие действия были оценены в рамках собственной правовой системы. Это правило основано на положении, отраженном в статье 13 Конвенции, с которым оно имеет близкое сходство, о том, что должно существовать эффективное средство правовой защиты, находящееся в распоряжении заявителей для рассмотрения по существу "оспариваемой жалобы" в соответствии с Конвенцией и предоставления надлежащего удовлетворения требований. Более того, оно является важным аспектом принципа, устанавливающего, что предусмотренный Конвенцией механизм защиты имеет субсидиарный характер по отношению к национальным системам защиты прав человека (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу "Кудла против Польши" (*Kud a v. Poland*), жалоба N 30210/96, § 152, ECHR 2000XI; а также постановление Европейского Суда от 7 декабря 1976 года по делу "Хэндисайд против Соединенного Королевства" (*Handyside v. the United Kingdom*), пункт 48, Series A, N 24).

106. Суд отмечает, что он уже неоднократно рассматривал эффективность внутригосударственных средств правовой защиты, предлагаемых Властями Российской Федерации. Суд, в частности, установил, что при принятии решения по жалобе о нарушениях внутригосударственных норм права, регулирующих условия содержания под стражей, органы прокуратуры не обладали достаточно независимой позицией для удовлетворения требований Статьи 35 Конвенции (см. постановление ЕСПЧ по делу "Дирдизов против России" (*Dirdizov v. Russia*), жалоба N 41461/10, пункт 75, 27 ноября 2012 г., и постановление ЕСПЧ от 10 января 2012 г. по делу "Ананьев и другие против России" (*Ananyev and Others v. Russia*), жалобы NN 42525/07 и 60800/08, пункт 101). Даже хотя проверка надзирающим прокурором играет важную роль в обеспечении соответствующих условий содержания под стражей, постановление или представление прокурора, главным образом, является вопросом между надзирающим органом и органом, подверженным надзору, и не предназначено для принятия предупреждающих мер или возмещения понесшему ущерб лицу (см. постановление ЕСПЧ по делу Дирзидова, пункт 76, и постановление ЕСПЧ по делу Ананьева и других, пункт 104, оба упомянуты выше).

107. Суд также отмечает, что жалобы заявителей на продолжительную транспортировку и ненадлежащие условия содержания под стражей, поданные мировому судье, не были рассмотрены по существу. Дополнительно, не было получено ответа, предполагающего, в частности, что органы прокуратуры могли быть наиболее подходящим органом власти для рассмотрения таких жалоб в соответствующих обстоятельствах.

108. В свете вышеизложенных обстоятельств, Суд приходит к заключению, что правовое средство, предложенное Властями Российской Федерации, не являлось эффективным средством правовой защиты, которые можно было бы использовать для предотвращения предполагаемых нарушений или их продолжения, или для предоставления заявителям соответствующего и достаточного возмещения в

отношении их жалоб в соответствии со статьей 3 Конвенции. Соответственно, Суд отклоняет возражение Властей Российской Федерации о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты.

109. Суд также приходит к выводу о том, что заявители не располагали эффективным внутригосударственным средством правовой защиты в отношении их жалобы на предположительно продолжительную транспортировку и ненадлежащие условия содержания под стражей, в нарушение статьи 13 Конвенции (см. постановление ЕСПЧ от 10 июля 2014 года по делу "M.C. против России" (M.S. v. Russia), жалоба N 8589/08, пункт 86). v. Russia, no. 8589/08, § 86, 10 July 2014).

2. Предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции

110. Суд отмечает, что Власти согласились с версией заявителей об их транспортировке, и частично приняли их описание условий содержания. Власти, в частности, согласились, что заявители были доставлены в отделение полиции "Китай-Город" в 02:30, что составляет около шести часов после их задержания, и что заявителям не предоставлялась пища в течение этого времени. Власти также признали основные факты, связанные с условиями содержания под стражей в отделении полиции "Китай-Город", за исключением размеров камеры. Более того, фотографии, предоставленные Властями, подтвердили утверждение заявителей о том, что в камере был бетонный пол, не было окна, не было санитарного оборудования и мебели, за исключением скамеек шириной 47 см. Матрасы также отсутствовали. Не оспаривается тот факт, что первый заявитель содержался в указанной камере в течение примерно двенадцати часов, и второй заявитель - в течение почти семи часов. Стороны разошлись во мнениях в отношении того, предоставлялись ли заявителям пища, питьевая вода и постельные принадлежности.

111. Суд повторяет, что он уже рассматривал условия содержания под стражей в отделениях полиции различных российских регионов и пришел к выводу, что они нарушают статью 3 Конвенции (см. постановления Европейского Суда по делам "Щебет против России" (Shchebet v. Russia), жалоба N 16074/07, пункты 86-96, 12 июня 2008 года; "Христофоров против России" (Khristoforov v. Russia), жалоба N 11336/06, пункты 23 et seq., 29 апреля 2010 года; "Недайборщ против России" (Nedayborshch v. Russia), жалоба N 42255/04, пункт 32, 1 июля 2010 г.; "Купцов и Купцова против России" (Kuptsov and Kuptsova v. Russia), жалоба N 6110/03, пункт 69 et seq., 3 марта 2011 г.; постановление ЕСПЧ по делу Федотова, упомянутое выше, пункт 67; постановление ЕСПЧ по делу "Эргашев против России" (Ergashev v. Russia), жалоба N 12106/09, пункты 128-34, 20 декабря 2011 г.; и постановление ЕСПЧ по делу "Салихов против России" (Salikhov v. Russia), жалоба N 23880/05, пункты 89-93, 3 мая 2012 г.). Суд отмечает, что он установил нарушение требований статьи 3 Конвенции в деле, в котором заявитель в течение двадцати двух часов содержался под стражей в камере для административнозадержанных без еды и питья, не имея неограниченного доступа к туалету (см. упоминавшееся выше постановление ЕСПЧ по делу "Федотов против России", пункт 68). По другому делу

он отметил, что аналогичная камера, предназначенная для краткосрочного административного задержания на срок, не превышающий трех часов, не подходит для содержания под стражей в течение четырех дней, поскольку в силу ее конструкции в ней не хватает предметов быта, необходимых для длительного содержания. В камере не имелось туалета или раковины. В ней стояла только скамья, не было ни стула, ни стола или какой-либо иной мебели, а еду заявителю приносили родственники (см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу Ергашева, пункт 131).

112. В настоящем деле Суд находит те же недостатки. Более того, содержанию заявителей под стражей в соответствующей камере предшествовала продолжительная транспортировка поздней ночью между отделениями полиции без доступа к пище или питьевой воде. С учетом совокупного действия факторов, проанализированных выше, он считает, что условия, в которых содержались заявители, унижали их человеческое достоинство и вызвали страдания и неудобства, интенсивность которых превышает неизбежный уровень страданий, присущий содержанию под стражей. Таким образом, Суд приходит к заключению о том, что заявители были подвергнуты бесчеловечному и унижающему достоинство обращению в нарушение статьи 3 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 18 КОНВЕНЦИИ

113. Наконец, заявители жаловались на то, что их задержание и содержание под стражей в соответствии с обвинениями в совершении административного правонарушения преследовали цель подрыва их права на свободу собраний и права на свободу выражения мнений, и такие меры были применены в качестве политической мести. Они утверждали, что было допущено нарушение статьи 18 Конвенции, которая гласит следующее:

"Ограничения, допускаемые в настоящей Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для иных целей, нежели те, для которых они были предусмотрены".

114. В своих замечаниях по данному пункту Стороны повторили свои доводы в отношении предполагаемого вмешательства в право на свободу собраний, причин лишения заявителей свободы и гарантий справедливого судебного разбирательства в рамках возбужденного против них административного производства.

115. Суд отмечает, что данная жалоба связана с жалобами, рассмотренными выше в соответствии со статьями 5, 6 и 11 Конвенции, и поэтому она также должна быть признана приемлемой.

116. Суд установил выше, что заявители подверглись задержанию, содержались в камере для административно задержанных и были признаны виновными в совершении административного правонарушения произвольно и незаконно, и что целью этого являлось лишение их других лиц желания принимать участие в акциях

протеста и заставить отказаться от активного участия в оппозиционной политической деятельности (см. пункты 73 - 74 выше).

117. Учитывая указанные выводы, Суд считает, что нет необходимости рассматривать, присутствовало ли в данном деле нарушение статьи 18 Конвенции.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

118. Статья 41 Конвенции предусматривает:

"Если Суд приходит к заключению, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

A. Ущерб

119. Заявители требовали 50 000 евро каждый в качестве компенсации морального вреда.

120. Власти Российской Федерации оспорили требования заявителей как необоснованные и завышенные. Они посчитали, что данные суммы не соответствовали суммам, которые Суд присуждал по аналогичным делам и заявили, что установление факта нарушения будет являться достаточной справедливой компенсацией.

121. Суд отмечает, что он установил нарушение статей 11, 6, 5, 3 и 13 Конвенции в отношении обоих заявителей. При данных обстоятельствах Суд считает, что страдания и подавленность заявителей не могут быть компенсированы лишь установлением нарушения. Проведя оценку на справедливой основе, Суд присуждает каждому заявителю 26 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

B. Расходы и издержки

122. Первый заявитель требовал 100 000 российских рублей (RUB) в счет возмещения издержек и расходов, понесенных при обращении в Европейский Суд. Он представил договор на оказание юридических услуг, заключенный между ним и О. Михайловой, а также копии квитанций на оплату.

123. Власти Российской Федерации отметили, что возмещение расходов и издержек может быть присуждено лишь в том случае, если будет установлен факт нарушения. Власти не оспаривали заявленные суммы.

124. В соответствии с прецедентной практикой Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой он доказал, что такие расходы и издержки действительно имели место, были необходимыми и

являлись целесообразными с точки зрения их размера. В данном деле, учитывая полученные документы и вышеуказанные критерии, Суд полагает, что разумно присудить сумму в размере 2 500 евро в качестве компенсации расходов по разбирательству в Европейском Суде.

С. Проценты за просрочку платежа

125. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежа должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. объединил возражение Властей о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты в отношении жалобы по статье 3 Конвенции с рассмотрением дела по существу, и отклонил его;
2. объявил данную жалобу приемлемой;
3. постановил, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции;
4. постановил, что было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции;
5. постановил, что отсутствует необходимость рассматривать оставшуюся часть жалобы в соответствии со статьей 6 Конвенции;
6. постановил, что было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции;
7. постановил, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции в совокупности со статьей 3 Конвенции;
8. постановил, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания заявителя под стражей;
9. постановил, что отсутствует необходимость рассматривать жалобу о нарушении статьи 18 Конвенции;
10. постановил,

(а) что в течение трех месяцев со дня вступления данного постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции Государство-ответчик должно выплатить нижеприведенные суммы, с последующим переводом в рубли по курсу на день выплаты:

(i) 26 000 (двадцать шесть тысяч) евро каждому заявителю плюс любой налог, который может взиматься с этой суммы, в качестве компенсации морального вреда;

(ii) 2 500 (две тысячи пятьсот) евро первому заявителю, плюс любой налог, который может быть взыскан с заявителя с этой суммы, в качестве компенсации расходов и издержек;

(b) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка в течение периода выплаты пени плюс три процента;

11. отклонил оставшуюся часть требований заявителей о справедливой компенсации;

Составлено на английском языке, уведомление в письменном виде направлено 4 декабря 2014 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сорен Нильсен,
Секретарь Секции

Изабелла Берро-Лефевр,
Председатель

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему постановлению прилагается особое мнение судьи Пинто де Альбукерке.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПИНТО ДЕ АЛЬБУКЕРКЕ

1. Я принимаю выводы Палаты, но не согласен с обоснованием этих выводов. Стандарты права на свободу собраний, выраженные Европейской комиссией за демократию через право ("Венецианская комиссия"), Организацией за безопасность и сотрудничество в Европе (ОБСЕ) и Специальным докладчиком ООН о правах на свободу мирных собраний, были вновь проигнорированы <1>. Не было уделено внимания широко признанной презумпции в пользу проведения мирных собраний, и ключевого правила о бремени доказывания, которое несут Власти в отношении фактов, обосновывающих ограничение права на проведение собраний. Более того, правовая квалификация соответствующих фактов в качестве "спонтанного шествия" является технически неправильной. Основной правовой вопрос настоящего дела состоит не в этом. Надлежало задать следующий вопрос: какую защиту Конвенция о правах человека ("Конвенция") предоставляет демонстрантам, идущим к месту собрания и обратно? Цель настоящего мнения состоит в ответе на этот вопрос после установления фактов в свете применимых правил о бремени доказывания.

<1> Я уже обращал внимание на указанные стандарты в совместном частично совпадающем, частично расходящемся мнении, вместе с судьей Туркович в постановлении ЕСПЧ от 12 июня 2014 года по делу "Примов и другие против России", жалоба N 17391/06.

Бремя доказывания в отношении фактов, обосновывающих ограничение свободы собраний

2. Я не могу принять оценку фактов, сделанную Палатой. Палата посчитала, что материалы дела не содержат достаточно доказательств для принятия решения о том, имело ли место распоряжение полиции об остановке заявителей, и следовательно, для суждения о законности поведения органов власти <2>. Пункт 67 постановления и последующее обоснование были развиты на основании предположения: "даже предполагая, что полиция точно представила факты и заявители на самом деле не подчинились распоряжению о прекращении шествия..." Данное предположение в пользу версии Властей противоречит постоянной позиции Венецианской комиссии, ОБСЕ и Специального докладчика ООН о правах на свободу мирных собраний и ассоциаций о том, что имеется презумпция в пользу проведения мирных собраний и шествий.

<2> См. пункты 58 и 59 постановления.

3. В принципе, собрания и шествия должны считаться законными и не представляющими угрозу общественному порядку, пока Власти не представят убедительное доказательство против такой презумпции <3>. Следовательно, бремя доказывания фактов, обосновывающих ограничение права на собрания, лежит на Властях <4>. Если бы Палата применила международные стандарты презумпции правомерности собраний и шествий, и соответствующее бремя доказывания, лежащее на Властях, она бы избежала попадания в странное положение, в котором пришлось принимать решение по настоящему делу на основании противоречивых предположений.

<3> Руководящие принципы по свободе мирных собраний Венецианской комиссии и БДИПЧ ОБСЕ, 2010 г., второе издание, руководящий принцип 2.1, а также Доклад Специального докладчика ООН по вопросу о правах на свободу мирных собраний и объединений от 24 апреля 2013 г. А/НRC/23/39, пункт 50, а также Доклад того же Докладчика, 21 мая 2012 г., А/НRC/20/27, пункт 26.

<4> Аналогичным для Суда способом в постановлении ЕСПЧ от 2 февраля 2010 года по делу "Христианско-демократическая народная партия против Молдовы" (Christian Democratic People's Party v. Moldova) (No. 2), жалоба N 25196/04, пункт 38, данная позиция также была приведена в Руководящих принципах по свободе мирных собраний Венецианской комиссии и БДИПЧ ОБСЕ, упомянутых выше, пункты 135 и 138; CDL-AD(2010)050, Совместном мнении Венецианской комиссии и БДИПЧ ОБСЕ о проекте Закона о мирных собраниях Киргизской Республики, пункт 8; CDL AD(2010)031, Совместном мнении Венецианской комиссии и БДИПЧ ОБСЕ о Законе об общественных собраниях Республики Сербия, пункт 53, и CDL-AD (2012)006 Совместное мнение БДИПЧ ОБСЕ -Венецианской комиссии о Законе о массовых мероприятиях Республики Беларусь, пункт 109.

4. При сопоставлении противоположных версий Палата не учла надлежащим образом веские процессуальные недостатки, присущие судебным разбирательствам во внутригосударственных судах, а именно, неоднократные отказы в контакте между заявителями и их адвокатами <5>, отклонение вопросов стороны защиты свидетелям стороны обвинения <6> и отказ приобщить в качестве доказательства показания свидетелей стороны защиты <7>, а также две видеозаписи задержания первого заявителя (сделанные Т. и А.) и видеоматериалы, имеющиеся у полиции <8>. Эти серьезные недостатки имели очевидное воздействие на достоверность версии Властей, которая совпадает с версией полиции и внутригосударственных судов.

<5> См. пункты 13, 15 и 17 постановления.

<6> См. пункт 33 постановления.

<7> См. пункт 32 постановления.

<8> См. пункт 36 постановления.

Учитывая такое необъективное рассмотрение дела внутригосударственными судами, я не удивлен, что доказательства, приведенные в материалах дела, являются настолько слабыми и неубедительными. Это вина внутригосударственных органов власти, которые провели не надлежащее судебное производство в отношении заявителей, а скорее устроили правовой фарс с видимостью суда. Дополнительно к различным искусственно созданным процессуальным недостаткам, с которыми пришлось столкнуться адвокатам заявителей, поистине возмутительно, что адвокату первого заявителя даже не было разрешено задать три очень уместных вопроса сотрудникам полиции, задержавшим заявителя: "Какие приказы вы лично давали Навальному?", "Кто вынес распоряжение о задержании Навального?" и "Почему протоколы двух полицейских идентичны?". <9>

<9> См. пункт 33 постановления.

5. После такого правового фарса достаточно трудно поверить в версию событий полиции, как указала Палата в пункте 67. Дополнительно, неприемлемо делать вывод о нарушении статьи 6 Конвенции на основании вышеупомянутых процессуальных недостатков, как правильно отметила Палата в пункте 83, и одновременно принимать версию событий полиции. Палата критикует внутригосударственные суды за обоснование их постановлений "исключительно версией, изложенной полицией" <10>, и в то же время принимает версию событий полиции. Я нахожу это непоследовательным. Например, пункт 67 логически не соответствует пункту 83 постановления. Точно такие же причины, которые привели Палату к верному выводу о нарушении статьи 6 Конвенции, должны были привести к принятию Палатой версии событий, изложенной полицией и Властями. Напротив, полностью дискредитированный способ, которым

внутригосударственные органы власти действовали в ходе судебных разбирательств в отношении заявителей, является сильным сигналом того, что версия событий, изложенная полицией, не может быть принята в качестве правдивого и точного представления фактов, но в качестве реконструкции реальности с целью ложного обвинения заявителей. Если прибавить к такому поведению внутригосударственных судов поведение полиции, которая возила заявителей между тремя отделениями полиции в течение шести часов без веских на то причин и незаконно содержала заявителей под стражей до следующего дня в ужасных условиях отделения полиции "Китай-Город" без пищи и питьевой воды <11>, последующий сценарий произвола говорит о том, насколько недостоверной является версия событий в изложении полиции, и о том, насколько ужасными являлись обстоятельства, в которых заявители старались быть услышанными обществом <12>.

<10> См. пункт 83 постановления.

<11> См. пункты 19, 97 и 112 постановления.

<12> Как и в постановлении ЕСПЧ от 31 июля 2014 года по делу "Немцов против России" (Nemtsov v. Russia), жалоба N 1774/11, пункт 71, Палате следовало прийти к мнению о том, что в настоящем деле имеются убедительные элементы, побуждающие ее усомниться в достоверности официальной причины задержания заявителя, содержания его под стражей и обвинений в совершении административного правонарушения. И, как и в постановлении по делу Немцова, следовало с надлежащей осторожностью рассматривать показания двоих сотрудников полиции и их письменные объяснения, и воздержаться от придания им доказательной ценности.

6. Власти должны были доказать в Суде, что имело место несанкционированное шествие на проезжей части или на тротуаре, что участники шествия, включая заявителей, направлялись вместе с общей целью проведения демонстрации, что полиция прервала шествие и отдала приказ о прекращении шествия, и что заявители осознанно не выполнили требования, оказали сопротивление и поэтому были задержаны <13>. Снимая с Властей бремя доказывания, Палата приняла версию событий в изложении Властей без веской причины. Так как Власти не предоставили достаточных доказательств того, что указанные факты имели место, как Палата правильно указала в пункте 59, Суду следовало прийти к выводу о том, что версия событий в изложении полиции являлась необоснованной, и следовательно, никакого шествия не было, не было никаких приказов со стороны полиции, и следовательно, не было факта неповиновения. В самом деле, к этому выводу я пришел, учитывая то, что Власти надлежащим образом не исполнили бремя доказывания, которое от них требовалось в свете вышеупомянутого международного стандарта доказывания <14>.

<13> Важнее всего то, что Власти должны были доказать позитивный факт того, что полиция отдала приказ заявителям, а не заявители должны доказывать

негативный факт (*diabolica probatio!*) того, что они не получали приказов от полиции. Последнее толкование, внушенное Властями и не отклоненное Палатой, наложило бы на заявителей необоснованное бремя.

<14> Вывод Суда в постановлении по делу Немцова, упомянутом выше, пункт 76.

Защита "стихийных собраний" в соответствии с международными нормами о правах человека

7. Я также не могу согласиться с правовой квалификацией Палатой соответствующих фактов. Палата неоднократно ссылалась на "стихийное шествие" <15>. Это является технически неверным. Концепция стихийного собрания, включающая стихийное шествие, рассматривалась различными международными органами, и они пришли к консенсусу в отношении определенных характеристик такой концепции.

<15> См. пункты 56 и 65 постановления.

8. Одного лишь факта выражения мнения в общественном месте недостаточно для того, чтобы такое событие стало собранием. Случайная встреча группы людей не является собранием, даже если такие люди общаются в течение определенного промежутка времени. В удачной формулировке в постановлении по делу Татар и Фабер Суд ссылается на собрание как на "собрание неопределенного количества лиц с определенным намерением участия в процессе коммуникации", после большого количества прецедентов, имевших место после постановления <16> по делу Свободной и демократической партии (ZDEP). <17>

<16> Постановление ЕСПЧ от 12 июня 2012 года по делу "Татар и Фабер против Венгрии" (Tat r and F ber v. Hungary), жалобы N 26005/08 и 26160/08, пункт 38.

<17> Постановление Большой Палаты ЕСПЧ от 8 декабря 1999 года по делу "Свободная и демократическая партия (ZDEP) против Турции" (Freedom and Democracy Party(ZDEP) v. Turkey), Отчеты, 1999-VIII, пункт 37.

Эта широкая концепция собрания была принята различными органами власти по всему миру. Для целей Руководящих указаний Венецианской комиссии и ОБСЕ по свободе мирных собраний 2010 года собрание означает "намеренное и временное присутствие определенного количества лиц в общественном месте с общей целью выражения мнений". В статье XXI Американской декларации прав и обязательств человека право на собрания связано с "вопросами общих интересов [участников]": "Каждый человек имеет право на мирные собрания с другими людьми в форме официального общественного собрания или неофициального собрания, в связи с вопросами общего интереса любого характера". Специальный докладчик ООН по

правам на свободу мирных собраний и ассоциаций определил собрание в качестве "намеренного и временного собрания в частном или общественном месте с определенной целью. Соответственно, к собранию относятся демонстрации, собрания внутри помещений, забастовки, шествия, митинги или даже сидячие забастовки" <18>.

<18> Доклад Специального докладчика по правам на свободу мирных собраний и ассоциаций, A/HRC/20/27, 21 мая 2012 г., пункт 26.

Таким образом, составляющие элементы концепции "собрания" в соответствии со статьей 11 Конвенции являются объективными, относятся к собраниям двух или более человек в физическом пространстве в течение определенного промежутка времени, и субъективными, указывающими на общее намерение его участников преследовать общую цель посредством общего действия, т.е. коллективное выражение идеи, убеждения, мнения или сообщения, независимо от его религиозного, философского, политического, гражданского, экономического, социального, культурного, художественного или игрового характера <19>. Статические собрания, такие как общественные митинги, массовые мероприятия, "флеш-мобы", демонстрации, сидячие забастовки и пикеты, а также движущиеся собрания, такие как шествия, парады, процессии, похоронные процессии, паломничества и конвои, совместно используют указанные элементы.

<19> В совместном отдельном мнении судей Туркович, Дедова и Пинто де Альбукерке по делу "Тараненко против России" (Taranenko v. Russia), жалоба N 19554/05, 15 мая 2014 г., мы уже отметили важность рассмотрения целей демонстрантов с целью применения гарантий статьи 11. Ученые разделяют эту точку зрения, в соответствии с Конвенцией и Международным пактом ООН о гражданских и политических правах (см., к примеру, Grabenwarter, European Convention on Human Rights Commentary, Munich, Beck, 2014, p. 300; Joseph and Castan, United Nations Covenant on Civil and Political Rights, Cases, Materials and Commentary, Third Edition, Oxford, Oxford University Press, 2013, p. 646; Frowein and Peukert, Europ ische Menschenrechtskonvention Kommentar, 3 Auflage, Kehl, Engel Verlag, 2009, p. 374; Renucci, Trait de droit europ een des droits de l'homme, Paris, LGDJ, 2007, p. 272; и Novak, United Nations Covenant on Civil and Political Rights Commentary, Kehl, Engel Verlag, 2. Edition, 2005, p. 485 ; и с более широкой точки зрения, Myl ne Bidault, Commentaire de l'article 21, in Emmanuel Decaux (dir.), Le Pacte International relative aux Droits Civils et Politiques, Commentaire article par article, Paris, Economica, 2011, pp. 472-473).

9. С учетом вышесказанного, я не могу согласиться с последним предложением пункта 56 постановления, в котором говорится, что точка зрения полиции является решающим фактором в квалификации шествия как такового, "даже если сами заявители не считали его таковым". Эта путаница между "шествием" и

"предполагаемым шествием", как если бы такие концепции могли быть выражены в правовых терминах, также встречается в пункте 64. На этом неверном правовом основании Палата проигнорировала соответствующий составляющий элемент концепций статических и двигающихся собраний и приняла предполагаемое восприятие сотрудниками полиции в качестве правомерного параметра.

10. В принципе, предоставление обоснованного срока для уведомления о публичных мероприятиях может быть полезным, так как позволяет органам власти принять соответствующие меры для гарантии их надлежащего проведения. Тем не менее, могут иметь место случаи, в которых общественное мероприятие организовано в качестве "неотложной или срочной реакции на непредсказуемое событие, и в таком случае может отсутствовать возможность соблюдения обычного срока уведомления", как считают Венецианская комиссия и ОБСЕ. Более того, чтобы собрание являлось именно "стихийным", должна иметь место "тесная временная связь между событием ("явлением или происшествием"), которая стимулирует проведение самого собрания". <20> Наконец, власти могут изменить время, место и маршрут мирных стихийных собраний, только если имеет место очевидная угроза его проведению или безопасности его участников, или лиц, находящихся близко от собрания. Власти могут сделать это только после уведомления организаторов о причинах такого решения. Также важно предоставить организаторам возможность оспорить решение властей в соответствующих органах, включая суды <21>.

<20> CDL-AD(2008)020 Совместное мнение Венецианской комиссии и ОБСЕ о Проекте Закона о внесении поправок и дополнений в Закон о проведении митингов, собраний, и демонстраций Республики Армения, пункт 17.

<21> CDL-AD(2009)034 Совместное мнение Венецианской комиссии и ОБСЕ о Проекте Закона о собраниях Киргизской Республики, пункт 39.

Специальный докладчик ООН по правам на свободу мирных собраний и ассоциаций также указывает, что "к стихийным мирным собраниям, которые обычно имеют место в качестве реакции на определенное событие, такое как объявление результатов, и которые по определению не могут подлежать предварительному уведомлению, надлежит относиться с большей степенью толерантности в контексте выборов". <22>

<22> Отчеты Специального докладчика ООН от 7 августа 2013 г., A/68/299, пункт 24, и 21 мая 2012 г., A/HRC/20/27, пункт 29.

Наконец, Суд уже выразил мнение о том, что "при особых обстоятельствах, когда непосредственная реакция в форме демонстрации в ответ на политическое событие может быть обоснованной, решение о разгоне мирного собрания исключительно из-за отсутствия необходимого предварительного уведомления, без каких-либо противозаконных действий со стороны участников, представляет собой

несоразмерное ограничение в отношении свободы мирных собраний" <23>. Таким образом, "особые обстоятельства" относятся к случаям, когда "гарантирована немедленная реакция на текущее событие в форме демонстрации". Проще говоря, с целью рассмотрения в качестве стихийного собрания у участников собрания должна иметься общая цель собраться вместе и провести демонстрацию в ответ на новое событие. То же самое применяется к движущимся стихийным собраниям, таким как шествия. Такие "стихийные собрания" защищены статьей 11 Конвенции.

<23> Постановление ЕСПЧ от 17 июля 2007 года по делу "Букта и другие против Венгрии" (Bukta and Others v. Hungary), жалоба N 25691/04, пункт 36.

11. С данной точки зрения, одного лишь факта того, что "заявители прошли некоторое расстояние вместе с определенным количеством людей" <24> или "появления большой группы протестующих, идущих вместе" <25> недостаточно для квалификации события в качестве шествия или собрания, не говоря уже о стихийном шествии или собрании. Фактически, демонстрация уже имела место на Чистых Прудах и люди просто уходили с места собрания. Суду не было представлено убедительного доказательства того, что люди, покидающие место собрания на Чистых Прудах, имели общую цель проведения совместного шествия к другому месту. А fortiori, не было сказано, что заявители и следующие за ними люди намеренно инициировали шествие в качестве "немедленной реакции" на новое событие. Таким образом, правовая квалификация соответствующих фактов в качестве "спонтанного шествия" является юридически ошибочной. Основной правовой вопрос, поднятый в настоящем деле, заключается не в этом.

<24> См. пункт 56 постановления.

<25> См. пункт 62 постановления.

Свобода доступа и ухода с места собрания в международном праве о правах человека

12. Защита свободы собраний включает свободу доступа к месту собрания, а также свободу мирного беспрепятственного ухода с такого места <26>. Дело в том, что толпа, направляющаяся к месту собрания, или покидающая место собрания в общественном месте, может причинять некоторую степень социального беспокойства и в определенной мере препятствовать дорожному движению. Полиции надлежит соответствующим образом урегулировать такие нарушения <27>. Но сама по себе свобода собраний может быть ограничена только посредством останова, обыска или задержания демонстрантов, если имеется "четкая и неминуемая опасность" общественных беспорядков, преступления или другого нарушения прав других лиц, совершенного лицами, en route на место или с места собрания, в соответствии с пунктом 2 статьи 11 Конвенции. <28>

<26> Постановление ЕСПЧ от 19 января 2010 года по делу "Нисбет Оздемир против Турции" (Nisbet zdemir v. Turkey), жалоба N 23143/04, пункт 40.

<27> Постановление ЕСПЧ от 29 ноября 2007 года по делу "Балчик и другие против Турции" (Bal ik and Others v. Turkey), жалоба N 25/02, пункты 50-52, и постановление ЕСПЧ от 17 июля 2008 года по делу "Ашугян против Армении" (Ashughyan v. Armenia), жалоба N 33268/03, пункт 90: "Любая демонстрация в общественном месте может приводить к определенному нарушению обычного течения жизни, включая нарушение дорожного движения, и, если демонстранты не принимают участие в насилии, государственным органам власти важно проявлять определенную степень толерантности к участникам к мирных собраний, чтобы свобода собраний, гарантированная статьей 11 Конвенции, не была лишена самой ее сути".

<28> См. Руководящие принципы Венецианской комиссии и БДИПЧ ОБСЕ, 2010 г., процитированные выше, руководящий принцип 3.3, и пункты 72, 95, 98, 154 (проверка на предмет остановки, обыска или помещение под стражу демонстрантов по дороге на собрание) и 166 (проверка на предмет разгона) пояснительных примечаний; Руководящие принципы Венецианской комиссии и БДИПЧ ОБСЕ по праву на свободу мирных собраний, 2008 г., пункты 63 и 86-90 пояснительных примечаний; Мнение Венецианской комиссии о Федеральном законе о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях в РФ, CDL-AD(2012)007, п. 44; Руководство ОБСЕ по демократическим основам полицейской деятельности, второе издание, 2008 г., пункт 66; Доклад Специального докладчика по вопросу о внесудебных, суммарных или произвольных казнях, 23 мая 2011 г., A/HRC//17/28, пункт 60; Доклад Специального докладчика по правам на свободу мирных собраний и объединений, 21 мая 2012 г., A/HRC/20/27, пункт 35; Мнение о Проекте закона о митингах, собраниях и манифестациях в Болгарии, CDL-AD(2009)035, п. 58; Общее мнение о Законе об общественных собраниях Республики Сербия Венецианской комиссии и БДИПЧ ОБСЕ, процитированное выше, п. 13(G); Общее мнение о Законе об общественных собраниях Сараевского кантона (Босния и Герцеговина) Венецианской комиссии и БДИПЧ ОБСЕ, CDL-AD(2010)016, п. 5; Общее мнение о порядке организации и проведении мирных собраний в Украине Венецианской комиссии и БДИПЧ ОБСЕ, CDL-AD(2009)052, п. 5(u); и Межамериканская комиссия по правам человека, Второй доклад о ситуации с защитниками прав человека в Северной и Южной Америке, 31 декабря 2011 г., OEA/Ser.L/V/II, док. 66, пункт 139, Доклад о ситуации с защитниками прав человека в Северной и Южной Америке, 7 марта 2006 г., OEA/Ser.L/V/II.124, док. 5 ред.1, пункт 58, и Глава IV, Годовой отчет 2002 г., том III "Доклад Специального докладчика по свободе выражения мнения", OEA/Ser. L/V/II. 117, док. 5 ред.1, пункт 58, и Глава IV, Годовой отчет 2002 г., том III "Доклад Специального докладчика по свободе выражения мнения", OEA/Ser.

13. В рассматриваемом деле, независимо от того, что определенные лица могут выкрикивать политические лозунги или идти по дороге, что не было установлено, никаких насильственных действий не было совершено заявителями и людьми,

покидающими Чистые Пруды в г. Москве. Фактически, в материалах дела не имеется ни одного доказательства "четкой и неминуемой опасности" общественного беспорядка, преступления или другого нарушения прав других лиц и, особенно, применения насилия к другим лицам или уничтожения имущества других лиц, что могло бы обосновать остановку и задержание заявителей, содержание их под стражей до утра и наказание их с помощью максимального срока, предусмотренного для административных правонарушителей, а именно, заключения под стражу на срок до 15 суток. Вместо этого полиция явно перестаралась и в такой мере, что ее действия могут рассматриваться только в качестве направленных на унижение и оскорбление заявителей <29>. К сожалению, внутригосударственные суды не предоставили заявителям надлежащего правового средства для исправления и возмещения такого неправомерного поведения полиции.

<29> Эта чрезмерная реакция также очевидна в том, каким образом Власти сослались, в своих замечаниях от 26 июня 2012 года, стр. 16, на "высокую степень социальной опасности правонарушений", совершенных заявителями. Серьезность проблемы заключается в том, что Власти считают выражение политического несогласия "социальной опасностью".

Вывод

14. Версия событий, представленная Властями, не удовлетворяет самому элементарному бремени доказывания, и следовательно, не может рассматриваться в качестве достоверной. На основании версии событий в изложении заявителей надлежит заключить, что свобода собраний заявителей была серьезно нарушена, так как они были произвольно остановлены и задержаны при уходе с места проведения собрания на Чистых Прудах, г. Москва. Следующие после их задержания события усиливают убеждение в том, что заявители подверглись намеренному полицейскому произволу, который затем был защищен внутригосударственными судами. Принимая во внимание политический характер выступлений заявителей, такая судебная защита является плохой услугой для демократии, которая может воспитать или усилить культуру молчания оппозиции <30>.

<30> Учитывая материалы дела, ограничения, наложенные на конвенционные права заявителей, можно рассматривать даже в качестве случая преднамеренного ограничения прав в соответствии со статьей 18 Конвенции. Следовательно, когда заявление сделано в соответствии со статьей 18, Суд применяет очень строгий критерий доказательства (см. постановление ЕСПЧ от 31 мая 2011 года по делу "Ходорковский против России" (Khodorkovskiy v. Russia), жалоба N 5829/04, пункт 256). Впрочем, я не буду сейчас обсуждать данный стандарт. В любом случае, принимая во внимание пункты 73, 74, 85, 97, 112 и 116 постановления, я задаюсь вопросом, соблюдался ли этот в настоящем деле, и если нет, что еще необходимо для его соблюдения.

